КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Князя А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/kniazmikhailseme00dond

КНЯЗЬ

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Князя А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1902

Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель **Графъ С. Шереметевъ.**

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

(Воспоминанія князя Дондукова-Корсакова).

Приступая къ характеристикѣ такой высоковыдающейся личности, какъ личность кн. Воронцова, я не намѣренъ касаться оффиціальной ея стороны, которая доставила князю заслуженную память, какъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ, замѣчательныхъ дѣятелей своего времени. Я могу указать на тѣ особенности его характера и привычекъ, на ту нравственную сторону его жизни, на тѣ оттѣнки проницательнаго ума его, тѣ слабости и достоинства высокой натуры его, которые имѣлъ случай такъ близко изучить во время долголѣтней моей службы при покойномъ намѣстникѣ Кавказа.

Поставленный въ молодыхъ еще лѣтахъ въ исключительное передъ товарищами моими по службѣ положеніе по отношеніямъ моимъ къ кн. Воронцову, я пользовался его полнымъ довѣріемъ, скажу болѣе — насколько сердце князя способно было любить, онъ любилъ меня и во многихъ случаяхъ трогательно доказывалъ свое ко мнѣ расположеніе.

Съ 1846 г. князь приблизилъ меня къ себѣ, сперва въ качествѣ адъютанта, сопровождавшаго его во всѣхъ поѣздкахъ по краю. Я разбиралъ и докладывалъ всѣ подаваемыя массы прошеній, дѣлалъ отмѣтки и передавалъ оныя въ подлежащія мѣста къ исполненію. Скоро къ этимъ обязанностямъ присоединились новыя; подъ диктовку князя писалъ я всѣ почти его частныя и оффиціальныя

письма; впослѣдствіи, примѣнившись къ формамъ изложенія князя, я облегчалъ трудъ его, самъ составляя отвѣты и подавая ихъ только къ подписи. До меня эти обязанности лежали на Щербининѣ и баронѣ Николаи—но первый былъ назначенъ правителемъ канцеляріи, а второй сухостью, необщительностью и холодностью формъ видимо стѣснялъ князя.

Мало-по-малу и вскорѣ я сдѣлался, ежели могу такъ выразиться, старческою привязанностью и привычкою князя. Въ 7 часовъ обыкновенно я долженъ былъ являться къ нему въ кабинетъ и писать подъ его диктовку, распечатывать и докладывать полученную почту и читать газеты, такъ какъ князь слѣдилъ постоянно за всѣми событіями, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и получалъ значительную массу журналовъ. Затѣмъ около $8^1/_2$ часовъ обыкновенно княгиня и семейство собирались въ кабинетъ пить чай, который я раздѣлялъ съ ними, а съ 9-ти часовъ начиналась уже оффиціальная дѣятельность князя, доклады—гражданскіе: правителей канцеляріи, военные: начальника штаба и другихъ. Въ то время въ Тифлисѣ два раза въ недѣлю получалась только экстра-почта и на извѣстное время прекращалось даже всякое сообщеніе по случаю заваловъ въ горахъ. Князь Воронцовъ имѣлъ привычку почти съ каждой экстра-почтой отправлять частныя письма Военному Министру или другимъ, разъясняя или настаивая на дѣлахъ, имѣющихъ въ глазахъ его особое значеніе. Въ письмахъ этихъ, обыкновенно представляемыхъ военнымъ Министромъ Государю, высказывалось много того, что̀ не могло быть высказано, а иногда и терпимо въ оффиціальной перепискѣ. Я всегда удивлялся той ловкости, осторожности, съ которой князь въ этихъ дипломатическихъ пріемахъ умѣлъ проводить свои мысли и требованія. Способность его диктовать была положительно изумительна; онъ часто во время диктовки принималъ постороннихъ лицъ, бесѣдовалъ о разнородныхъ предметахъ и, по прошествіи нѣкотораго времени (которое я обыкновенно употреблялъ, чтобы курить въ сосѣдней адъютантской комнатѣ), онъ продолжалъ диктовку совершенно свободно съ того мѣста, на которомъ остановился.

Послѣднее время я даже, по желанію князя, присутствовалъ при всѣхъ докладахъ, сидя за особымъ столомъ около окна, за его

письменнымъ столомъ, отмѣчая все, что̀ онъ мнѣ указывалъ изъ дѣлъ для составленія частныхъ писемъ министру. Я такъ принаровился къ его слогу и взглядамъ, что подъ конецъ самъ составлялъ эти письма и рѣдко, когда князь исправлялъ ихъ. На французскомъ языкѣ князь чрезвычайно свободно и ловко диктовалъ, но были и тутъ извѣстныя фразы, которыя составляли необходимую принадлежность каждаго письма его и которыя всегда слѣдовало включать. При изложеніи своихъ мыслей на русскомъ языкѣ встрѣчались извѣстнаго рода галлицизмы и нѣкоторыя обветшалыя выраженія и формы фразъ, которыя, къ удовольствію князя, я всегда старался включить въ составляемыя мною письма.

Кромѣ двухъ положенныхъ пріемныхъ дней въ недѣлю, когда Воронцовъ принималъ представляющихся къ нему по службѣ въ залѣ, около кабинета, и всѣхъ просителей въ большой бѣлой залѣ дворца, ежедневно князь принималъ всѣхъ имѣющихъ къ нему особенное дѣло и требовалъ къ себѣ для переговоровъ по разнымъ вопросамъ въ теченіе дня различныхъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ лицъ. Доступность въ этомъ отношеніи князя могла лишь быть сопоставлена съ тою обходительностью, привѣтливостью и участіемъ, съ которыми онъ встрѣчалъ каждаго. Простота его обхожденія еще болѣе выставляла высокое его положеніе и достоинство его. Сколько разъ я имѣлъ случай убѣдиться въ жизни, что оффиціальная недоступность, напускная важность и театральность формъ скрываютъ въ начальникѣ инстинктивную неувѣренность собственнаго достоинства и желаніе наружными формами прикрыть скудость нравственнаго содержанія своего. Никогда не могъ я понять начальниковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, столько видѣлъ, постоянно старавшихся наружными формами поддерживать свое достоинство. Такъ дорожить тѣмъ, что̀ составляетъ неотъемлемую принадлежность и условіе въ начальникѣ, лучше всего доказываетъ внутреннее недовѣріе къ себѣ и сознаніе своей нравственной несостоятельности.

Воронцовъ такъ высоко стоялъ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, что онъ не опасался никогда показывать себя человѣкомъ во всѣхъ случаяхъ сношеній своихъ съ подчиненными и управляемыми.

Обыкновенно около 2-хъ или 3-хъ часовъ пополудни, смотря по количеству дѣлъ, князь прекращалъ свои кабинетныя занятія и ежедневно, какая бы ни была погода, выѣзжалъ кататься верхомъ. Около двухъ часовъ являлся въ кабинетъ старый англичанинъ, грумъ его Джимъ, и спрашивалъ, какую сѣдлать лошадь; затѣмъ князь выѣзжалъ безъ всякаго конвоя, въ сопровожденіи Джима и казака, часто со мною, иногда и съ княгиней. Въ эти поѣздки онъ осматривалъ городъ, окрестности его, производимыя работы и дѣлалъ визиты. (Послѣдніе годы своей жизни онъ исключительно посвящалъ свои прогулки визитамъ княгинѣ Эристовой и княгинѣ Монанѣ Орбеліани и всегда ѣздилъ одинъ).

Въ шестомъ часу князь обыкновенно возвращался домой, переодѣвался и съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣда, такъ какъ онъ никогда не завтракалъ и за чаемъ ѣлъ только два яйца съ англійскими toast'ами и въ послѣдніе годы только позволялъ себѣ около часу пополудни выпить рюмку хинной водки съ маленькимъ бисквитомъ. Мы всѣ удивлялись съ нашими молодыми аппетитами этому воздержанію, а Щербининъ съ обыкновеннымъ юморомъ своимъ увѣрялъ, что не стоитъ имѣть такого громаднаго состоянія, чтобы голодать въ продолженіе болѣе 60-ти лѣтъ. Зато за обѣдомъ, всегда весьма сытнымъ и вкуснымъ, но незатѣйливымъ, къ которому обыкновенно приглашались многіе, такъ что насъ садилось за столъ отъ 10-ти до 20-ти человѣкъ, князь Воронцовъ всегда съ жадностью обращался къ двумъ первымъ блюдамъ — супу или щамъ (которые онъ очень любилъ и обыкновенно ѣлъ по двѣ тарелки); такъ же обращался онъ и со вторымъ блюдомъ—ростбифъ или бульи, всегда подаваемый съ разсыпчатымъ картофелемъ по-англійски, и въ это время не принималъ никакого участія въ общемъ разговорѣ и не любилъ, чтобы его тревожили. Послѣ второго блюда князь равнодушно относился къ остальному обѣду и весьма охотно вмѣшивался въ общій разговоръ. За обѣдомъ князь пилъ особенный весьма старый хересъ, который подавался ему одному, такъ какъ немного оставалось въ его погребѣ этого вина, доставшагося ему, кажется, отъ дѣда. Остальное вино, подаваемое къ столу (исключая праздничныхъ дней), было отличное кахетинское, которое князь очень любилъ, и крымское шампанское изъ его садовъ. Послѣ обѣда пили

кофе въ большой гостиной, и князь закуривалъ пахитоску, которую онъ иногда курилъ и утромъ.

Вечеромъ князь имѣлъ правило никогда не заниматься дѣлами и за всю мою службу, кажется, всего разъ пять пришлось мнѣ видѣть и отчасти участвовать въ занятіяхъ князя по вечерамъ. Онъ мнѣ часто говорилъ, давая совѣты гигіеническіе: „levez vous de bonne heure, faites de l'exercice dans la journée, mais évitez toujours les occupations le soir—cela mène à l'abrutissement, on peut devenir чиновникъ".

Въ 8 часовъ аккуратно князь садился въ кабинетѣ за карточную копѣечную игру; онъ игралъ часто въ преферансъ и вистъ, но любимая его игра была старинная „hombre". Обыкновенными его партнерами въ эту игру были кн. Василій Осиповичъ Бебутовъ и княгиня Воронцова. Въ 12 часовъ, напившись чаю, князь обыкновенно кончалъ свой день и ложился спать.

Въ походахъ и путешествіяхъ, вездѣ старался онъ сохранить этотъ образъ жизни и его всегда видимо разстраивало всякое отступленіе отъ усвоенныхъ имъ привычекъ. Но нельзя сказать, чтобы князь былъ рабомъ своихъ привычекъ,—когда того требовали обстоятельства, онъ всегда подчинялся и инымъ условіямъ, никогда не измѣняя ни сдержанности своей, ни обаятельному своему со всѣми обхожденію. Князь крайне невзыскателенъ былъ въ своихъ требованіяхъ; дорогой, походами онъ удовлетворялся самымъ простымъ помѣщеніемъ. Ужасные, далеко не гастрономическіе, обѣды и вообще пища, которую приходилось ѣсть въ поѣздкахъ нашихъ и на приглашенныхъ обѣдахъ въ провинціи, совершенно удовлетворяли князя, лишь бы были щи, каша, баранина или рисъ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка его лѣтъ болѣе сносливаго выдерживать всякаго рода лишенія, болѣе неразборчиваго, менѣе взыскательнаго и всегда спокойнаго, какъ князь Воронцовъ. Сила воли его въ этомъ случаѣ была замѣчательна, и совѣстно было окружающимъ его на что-нибудь роптать или выражать неудовольствіе, при видѣ той снисходительности и добродушія, съ которыми князь всегда переносилъ всѣ подобныя мелкія невзгоды, а частью и неудовольствія.

Теперь предстоитъ мнѣ коснуться нравственной стороны вы-

сокой личности князя Воронцова. Невольно останавливаюсь передъ волнующими меня при этомъ чувствами и побужденіями. Князю Воронцову считаю себя всѣмъ обязаннымъ; не говоря о сердечномъ участіи, которое я встрѣтилъ въ немъ, въ добрѣйшей княгинѣ и во всемъ семействѣ его,—я обязанъ ему своимъ служебнымъ воспитаніемъ, своими взглядами на многія государственныя задачи настоящаго времени, обязанъ его примѣру тѣмъ обращеніемъ съ людьми и съ дѣлами, которымъ, по возможности, стараюсь руководиться въ моихъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я старался привить себѣ его широкіе взгляды на глубокую преданность чувству долга, его стойкость въ преодолѣніи препятствій и, къ сожалѣнію, только до извѣстной степени могъ усвоить уживчивость его характера, особенно со старшими. Съ другой стороны, ежели я и старался, и до сихъ поръ стараюсь не раздѣлять его скептическаго мнѣнія о людяхъ, избѣгать его эгоистическаго направленія и другихъ слабостей этого высокаго характера, то нѣтъ сомнѣнія, что отношенія мои съ княземъ Воронцовымъ охладили во многомъ мой идеализмъ, мою склонность и мою вѣру въ безусловную добросовѣстность людей и вообще дали болѣе практическій складъ моей отъ природы довѣрчивой и впечатлительной натурѣ. Я считалъ бы себя несчастливымъ, ежели бы опытъ жизни въ этомъ отношеніи заставилъ меня утратить послѣднія мои очарованія, и лучше согласенъ въ этомъ случаѣ нравственно вынести многое, чѣмъ окончательно лишиться того, что, по-моему, составляетъ и счастье, и отраду въ жизни—вѣру въ честь и добродѣтель людей.

Понятно послѣ сказаннаго, какъ тяжело мнѣ будетъ выставлять слабости человѣка, памяти котораго я такъ привязанъ, какъ больно будетъ самому мнѣ сознавать тѣ темныя стороны личности, такъ глубоко мною чтимой и уважаемой. Но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь высказаться, какъ я понималъ и понимаю князя Михаила Семеновича Воронцова, и выставить примѣры въ подтвержденіе моего о немъ сужденія.

Князь отъ природы щедро надѣленъ былъ всѣмъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую, во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся изъ ряда, государственную личность. Знаменитое рожденіе, огромное состояніе, многостороннее и тщательное воспитаніе, сроднившее его по взгля-

дамъ и привычкамъ съ либеральными формами просвѣщенной Англіи, наконецъ проницательный отъ природы умъ его, самое мягкое любящее сердце и сила воли, ознаменовавшая блистательное поприще его жизни, создали въ кн. Воронцовѣ человѣка, назначеннаго судьбою играть видную роль въ его эпохѣ, служившей проявленію столькихъ высокихъ доблестей въ отечествѣ нашемъ. Роль, которую игралъ князь въ отечественную войну, командованіе имъ оккупаціоннаго корпуса во Франціи послѣ 1814 года *), управленіе или, лучше сказать, созданіе Новороссійскаго края, взятіе въ 1828 г. Варны, наконецъ многолѣтняя и плодотворная дѣятельность князя на Кавказѣ составляютъ дорогія страницы для исторіи русской военной славы и гражданскаго преуспѣянія. Тяжело, передъ столь знаменательными дѣяніями въ жизни человѣка, касаться слабыхъ его сторонъ и проникать, такъ сказать, въ сокровенныя тайны, разоблачающія нравственные его недостатки. Недостатки эти были плодомъ того времени, тѣхъ отношеній и той сферы, гдѣ приходилось князю исказить многое высокое, данное ему природой, и подчинить всѣ эти дары условіямъ времени, въ которомъ онъ жилъ, и положенія, въ которомъ находился.

Природная сердечная доброта князя не подлежитъ никакому сомнѣнію, до смерти своей онъ сохранилъ ее во всѣхъ наружныхъ проявленіяхъ. Насколько я понимаю князя, на дѣйствія его также вліяла привычка дѣлать добро и, всего болѣе, холодный голосъ разсудка. Князь испыталъ много сердечныхъ разочарованій въ прежнее время, онъ слишкомъ недовѣрялъ, сомнѣвался, можетъ быть, даже и презиралъ людей, какъ плодъ жизненнаго опыта, чтобы не утратить способность любить. Я часто думалъ, сколько страданій, сколько борьбы должно было перенести сердце князя, чтобы дойти до подобнаго состоянія, сколько нравственныхъ мученій долженъ былъ испытать онъ, чтобы утратить вѣру въ добро

*) Нельзя не упомянуть здѣсь объ извѣстномъ поступкѣ Воронцова, обнаруживающемъ истинную натуру grand seigneur'a, которымъ онъ во всемъ былъ проникнутъ. Князь оставлялъ Францію послѣ 14-го года и, не желая, чтобы какое-либо нареканіе падало на русскія войска, потребовалъ свѣдѣнія о долгахъ, сдѣланныхъ, какъ нижними чинами, такъ и офицерами всего ввѣреннаго ему корпуса, и передъ выступленіемъ заплатилъ всю сумму, простиравшуюся, сколько мнѣ разсказывали, до одного милліона франковъ изъ собственныхъ его денегъ.

и человѣчество — но это такъ; и чувствительность князя, и всегдашняя его готовность къ помощи и участію были, какъ сказано, скорѣе дѣломъ привычки и разсудка, чѣмъ исключительно чувства.

Иногда однако я уловлялъ въ немъ невольные проблески того, чѣмъ такъ щедро сердце его въ началѣ награждено было природой.

Разскажу случай, бывшій со мною, кажется, въ 1848 г. Мы находились лѣтомъ въ крѣпости Воздвиженской, гдѣ князь провелъ около мѣсяца, слѣдя за дѣйствіями нашихъ экспедицій въ большой Чечнѣ. Здѣсь получена была съ фельдъегеремъ изъ С.-Петербурга одна изъ самыхъ непріятныхъ бумагъ, которыя за службу мою при князѣ онъ когда либо получалъ отъ Государя и военнаго Министра, кн. Чернышева. Дѣло было въ томъ, что обращали вниманіе князя на неправильность его дѣйствій по предоставленію на откупъ извѣстному Посполитаки мѣновыхъ дворовъ на правомъ флангѣ Кавказа и вообще на злоупотребленія монополіею этого откупщика въ Черноморіи. Князь въ то время слѣпо вѣрилъ командующему войсками на Кавказской линіи ген.-лейтн. Завадовскому, хитрому и далеко не безкорыстному хохлу, подъ личиною простоты скрывавшему весьма неблаговидныя дѣйствія свои, особенно на Черноморіи *). Все дѣло это очень взволновало князя, онъ далъ мнѣ одному прочесть эти бумаги и приказалъ запереть ихъ въ одинъ изъ извѣстныхъ зеленыхъ ящиковъ, которые всегда возилъ съ собой и въ которыхъ складывалъ секретныя бумаги и болѣе важныя черновыя его переписки. На другой день мы выѣхали изъ Воздвиженскаго. Князь приказалъ фельдъегерю слѣдовать за нимъ и сказалъ мнѣ, что по прибытіи въ Екатериноградъ онъ продиктуетъ мнѣ отвѣты на полученныя непріятныя бумаги. Мы вышли изъ Воздвиженскаго рано, обѣдали въ Грозной и пріѣхали на ночлегъ въ Червленную. Тутъ князь приказалъ мнѣ написать какія-то ничтожныя распоряженія въ Тифлисъ, чтобы отправить ихъ съ обратнымъ курьеромъ, который ожидалъ насъ въ Екатериноградѣ, гдѣ назначена была дневка. Въ Червленной весь вечеръ и часть ночи провелъ я въ веселой бесѣдѣ съ пріятелями и утромъ, когда пришелъ къ князю, нашелъ его весьма

*) Какъ о немъ, такъ и о Посполитаки придется говорить впослѣдствіи.

взволнованнымъ; его камердинеръ сказалъ мнѣ, что онъ не спалъ почти всю ночь—онъ видимо былъ подъ впечатлѣніемъ неудовольствія на него Государя. Когда я вошелъ, князь спросилъ меня написалъ ли я письма въ Тифлисъ, — я отвѣтилъ, что нѣтъ и что только по полученіи почты изъ Екатеринограда намѣренъ это сдѣлать, такъ какъ, вѣроятно, придется еще что прибавить по полученіи Тифлисскаго курьера. Князь съ раздраженіемъ, которое почти въ первый разъ я у него видѣлъ, возразилъ мнѣ: „il ne s'agit pas de raisonner, mais de remplir les ordres, que je vous donne". Я никогда подобнаго замѣчанія отъ него не слыхалъ; видимо было, что въ этомъ незаслуженномъ упрекѣ онъ изливалъ только на мнѣ свое волненіе и раздраженіе по другому дѣлу. Меня, я помню, это очень оскорбило. До Екатеринограда онъ всю дорогу былъ чрезвычайно сухъ и задумчивъ. Здѣсь встрѣтила насъ княгиня Воронцова, которая пріѣхала изъ Тифлиса, чтобы слѣдовать съ княземъ на воды въ Кисловодскъ. На другое утро князь рано призвалъ меня и началъ диктовать весьма длинное письмо на имя Государя и еще болѣе пространное объясненіе по Черноморскимъ дѣламъ на имя кн. Чернышева на французскомъ языкѣ. Когда это было кончено, князь выѣхалъ верхомъ, а я остался переписывать набѣло эти письма. Передъ обѣдомъ онъ приказалъ мнѣ прочесть переписанное. Я былъ все это время дѣйствительно, подъ вліяніемъ сдѣланнаго мнѣ замѣчанія, въ сильномъ раздраженіи, въ отношеніи князя велъ себя непривычно сухо и невнимательно и даже, сознаюсь, неприлично. Князь все это хорошо замѣчалъ, но не высказывался. Наконецъ, когда я прочелъ ему тщательно переписанныя письма, за которыми просидѣлъ въ страшную жару съ самаго утра, князь на каждомъ переписанномъ листѣ перечеркнулъ и переправилъ въ обоихъ письмахъ по одному слову, какъ, напримѣръ,—на мѣсто puisque — parceque и все въ этомъ родѣ. Явно, что цѣлью его было этимъ наказать меня. При горячности моего характера, можно себѣ представить, что я испытывалъ. Не сказавъ ни слова, я принялся за работу. Когда князь самъ позвалъ меня къ обѣду, я не пошелъ и остался въ кабинетѣ, переписывая до самаго вечера. Идя спать, князь спросилъ, сколько осталось.—Я отвѣтилъ, что, просидѣвъ весь вечеръ, кончалъ только

одно письмо. Надобно замѣтить, что письма къ Государю нужно писать большими буквами, чрезвычайно четко и потому медленно, равно и Министру, такъ какъ послѣднее назначалось къ докладу Государю. Около 12 часовъ князь удалился въ сосѣднюю комнату, гдѣ была его спальня. Я нарочно не пошелъ на квартиру, а остался въ кабинетѣ, чтобы доказать князю, сколько времени и труда стоятъ его ненужныя поправки. Кажется, было 5 часовъ утра, когда я кончилъ переписку и ушелъ домой. Въ 7 часовъ я былъ уже у князя, который зналъ отъ камердинера, что я недавно только окончилъ работу. Сѣвши за письменный столъ, онъ сталъ со мной ласково разговаривать, — видимо ему жаль меня было. Онъ приказалъ прочесть письма, подписалъ ихъ и сказалъ мнѣ: „je crois, que nous avons tout dit“. Я молчалъ. Князь продолжалъ: „Vous pensez peut-être, que nous avons trop dit?“ Я, съ худо сдержанной злобой, отвѣтилъ ему его Червленской фразой: „il ne s'agit pas de raisonner, quand on reçoit des ordres“. Князь въ это время ходилъ по кабинету; я тогда взялъ одну изъ черновыхъ и заперъ ее въ зеленый ящикъ и, въ раздраженіи своемъ, позволилъ себѣ въ высшей степени дерзкую и неумѣстную выходку—другую черновую разорвалъ на мелкіе куски и съ ожесточеніемъ бросилъ въ корзинку. Во все время этихъ глупыхъ гнѣвныхъ порывовъ моихъ князь продолжалъ ходить по кабинету, заложивши за спину руки. Я спросилъ: „можно печатать пакеты и отправить фельдъегеря въ Петербургъ?“ Онъ отвѣчалъ утвердительно и, когда я кончилъ печатать, подошелъ сзади ко мнѣ, такъ что я его не замѣтилъ, поцѣловалъ меня въ голову и съ выраженіемъ доброты на лицѣ, которое я никогда не забуду, сказалъ мнѣ, потрепавъ по плечу: „mon cher D., dans ma vie j'ai eu des chefs encore plus désagréables, que ça“. Я до того былъ сконфуженъ и растроганъ незаслуженнымъ участіемъ и вниманіемъ князя, что, помню, въ слезахъ бросился къ нему на шею, прося его извинить мнѣ раздраженіе и простить неприличность моей выходки. Князь отечески обнялъ меня и сказалъ: „n'en parlons plus, mon cher, et allons prendre le thé, ma femme nous attend“. Я никогда не забуду этой сцены, которая привязала меня, ежели можно было, еще больше къ рѣдкому моему начальнику.

Во время тяжкой моей болѣзни въ началѣ 1852 г. въ Тифлисѣ, князь также мнѣ показалъ такое участіе, которое могло только исходить отъ сердца. Но объ этомъ скажу въ свое время при воспоминаніяхъ.

Я зналъ князя уже въ преклонныхъ лѣтахъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ эти годы притупляется многое, холодный старческій эгоизмъ, мысль только о себѣ и своемъ спокойствіи заставляютъ человѣка избѣгать всего того, что можетъ идти въ разрѣзъ съ чувствомъ себялюбія, овладѣвающимъ старостью. Но князь Воронцовъ до послѣдней поры тщательно умѣлъ скрывать эти чувства, онъ неизмѣнно, въ глазахъ другихъ, казался всегда принимающимъ самое сердечное участіе въ дѣлахъ и лицахъ; слеза являлась на глазахъ его, нервное пожатіе руки, измѣненіе голоса въ данныхъ случаяхъ вседа обнаруживали въ немъ человѣка глубоко воспріимчиваго и чувствительнаго. Самые близкіе, какъ я, можетъ быть, могли только оцѣнить различіе наружнаго отъ внутренняго. Въ князѣ, къ сожалѣнію, не было одного—это религіознаго чувства. Сынъ своего вѣка, воспитанный въ вольтерьянскомъ направленіи, въ немъ не было теплой, живой вѣры; умъ и разсудокъ замѣняли въ немъ то святое чувство, которое такъ сильно поддерживаетъ человѣка въ жизни и служитъ такимъ утѣшителемъ въ минуту смерти. Князь вообще не любилъ говорить о религіи, допуская ее только въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ средство, а ежели говорилъ, то съ большимъ скептицизмомъ и подсмѣиваясь всегда надъ наружными формали. Все это въ молодомъ человѣкѣ скорѣе можетъ быть объяснимо, но въ старикѣ его лѣтъ разговоры и насмѣшки о религіи, сказанныя большею частью, чтобы подразнить княгиню или графиню Шуазель, весьма набожныхъ, всегда производили на меня, несмотря на молодость мою, неловкое впечатлѣніе.

Припоминаю, какъ разъ во время поста, чуть ли не передъ самой страстной недѣлей, въ которую и князь и всѣ мы говѣли въ дворцовой домовой церкви, онъ какъ-то за утреннимъ чаемъ разсказывалъ княгинѣ и графинѣ Шуазель, которыя хвалили какое то сочиненіе о страсти Господней, какъ одинъ пасторъ произвелъ на своихъ слушателей проповѣдью о страстяхъ Спасителя такое впечатлѣніе, что всѣ рыдали, плакали, а женщины приведены были

почти въ истерическое нервное состояніе. Доброму пастору стало такъ жаль своихъ прихожанъ, что онъ, чтобы успокоить ихъ и смягчить впечатлѣніе проповѣди, сказалъ имъ съ каѳедры: „Consolez vous, mes enfants, peut-être, que tout cela n'est pas vrai!“ Въ устахъ старика подобный, даже сказанный съ цѣлью подразнить, анекдотъ производилъ весьма тягостное впечатлѣніе, и можно себѣ представить, какъ въ этихъ случаяхъ страдала княгиня.

Другой разъ, сколько мнѣ помнится, на вербное воскресенье, былъ принесенъ князю къ подписи смертный приговоръ надъ тремя разбойниками Лезгинской линіи, приговоренными къ повѣшенію въ крѣпости Закаталахъ. Неизвѣстно по какому случаю, узнала объ этомъ княгиня и просила меня никакъ не допустить князя подписывать эту бумагу во время говѣнія и, кажется, и его самого объ этомъ просила. Я взялъ приговоръ со стола князя и спряталъ его въ свой столъ. Въ Четвергъ, послѣ причастія или въ Пятницу утромъ—хорошо не помню--князь вспомнилъ о бумагѣ и, потребовавъ ее отъ меня, съ улыбкою сказалъ: „Maintenant la Princesse n'a du moins rien à redire“ и хладнокровно подписалъ приговоръ. На меня произвело сильное впечатлѣніе это хладнокровное, скажу болѣе, сардоническое отношеніе князя къ религіозному чувству, которое особенно должно было возбудить и развить недавнее причащеніе Св. Тайнъ.

Еще большее отсутствіе теплой вѣры выказалъ князь во время тяжкой своей болѣзни въ Алупкѣ, но объ этомъ скажу въ воспоминаніяхъ своихъ 1851 года.

Въ сношеніяхъ съ людьми князь выказывалъ замѣчательный тактъ и знаніе человѣческаго сердца; онъ съ каждымъ умѣлъ говорить подходящимъ языкомъ; особенно простота и привѣтливость его обвораживали всѣхъ, имѣющихъ къ нему дѣло. Всякій выходилъ отъ князя подъ обаяніемъ его пріема, довольный и полный надеждъ. Часто надеждамъ этимъ приходилось не осуществляться, часто также обѣщанія князя измѣнялись совершенно въ противную сторону и послѣдствіемъ самаго ласковаго пріема было удаленіе отъ должности или преданіе суду, и въ этомъ отношеніи многіе довольно скоро переставали безусловно вѣрить пріемамъ князя. Но тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ въ массахъ до конца силы обаянія своего

обхожденія. Часто случалось мнѣ, по выходѣ изъ кабинета какого-нибудь лица, тутъ же слышать мнѣніе о немъ князя большею частью вѣрное, но противоположное тому, что онъ говорилъ вышедшему лицу. Я помню какъ на первыхъ порахъ меня возмущало это лицемѣріе, и иногда даже случалось говорить объ этомъ князю въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Онъ всегда, смѣясь, говорилъ мнѣ: „Vous étes trop jeune. Vous comprendrez cela plus tard“.

Хочу разсказать здѣсь одинъ случай. Кажется, въ 1848 г. были мы въ Шемахѣ и приходилось отправлять курьера въ Тифлисъ. Князь диктовалъ мнѣ утромъ много писемъ и, между прочимъ, отвѣтъ генералу Бѣлявскому, тогдашнему военному губернатору въ Кутаисѣ, на письмо, въ которомъ онъ просилъ уволить его отъ занимаемой имъ должности. Надобно замѣтить, что Бѣлявскій нисколько не оправдалъ ожиданій князя при назначеніи его на эту должность. Совершенно незнакомый съ гражданскими порядками, онъ своею заносчивостью, самоувѣренностью и безтактностью запуталъ всѣ дѣла и въ управляемомъ имъ краѣ возстановилъ всѣхъ противъ себя. Князь не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться, и не хотѣлъ явно сознаваться въ ошибочности своего выбора, но нисколько не стѣснялся высказывать передъ ближними свое неудовольствіе противъ Бѣлявскаго. Онъ очень обрадовался просьбѣ его объ увольненіи (вызванной, впрочемъ, непріятными отношеніями съ княземъ) и со всегдашней своей улыбкой началъ диктовать отвѣтъ. Какъ теперь помню это письмо, писанное по русски. Оно все заключалось въ сожалѣніи о рѣшеніи губернатора оставить свой постъ, и выражалась надежда, что онъ измѣнитъ свои намѣренія и будетъ продолжать содѣйствовать князю въ его трудномъ управленіи съ такимъ же усердіемъ и знаніемъ дѣла, какъ до сего времени. Я помню даже выраженіе: „неужели Вы, при старости лѣтъ моихъ, откажете мнѣ въ вашей полезной службѣ и т. д.“. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, зная мнѣніе князя о Бѣлявскомъ. Князь же, видя мое недоумѣніе, улыбался и продолжалъ диктовать. Подписавъ письмо, онъ тутъ же началъ мнѣ диктовать другое военному Министру, начинавшееся словами: „Mon cher P-ce, enfin je puis me débarasser de cet imbécile de Beliawski. . .“

Я положилъ перо и такъ былъ въ этомъ случаѣ наивенъ, что сказалъ князю: „permettez, mon P-ce, d'appeler Nicolaï; j'aimerais, que les lettres ne soient pas écrites de la même main et surtout de la mienne". Князь добродушно расхохотался этой, сознаю, весьма глупой моей выходкѣ и сказалъ: „c'est trés beau, mais c'est bien jeune. Appelez Nicolaï" и потомъ, помнится, припоминалъ мнѣ этотъ случай нѣсколько разъ со смѣхомъ. Я никакъ не могъ понять, почему онъ такъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, когда ничто не мѣшало ему открыто поступить съ Бѣлявскимъ. Я думаю, что иногда забавляло его дурачить людей. Бѣлявскій, получивъ трогательное письмо князя, вслѣдъ затѣмъ прочелъ въ приказѣ о назначеніи своемъ во фронтовую службу въ Россію.

Можетъ быть, какъ я понимаю, тутъ дѣйствовало, кромѣ сложившейся опытомъ жизни и привычки, и эгоистическое чувство князя: онъ избѣгалъ тщательно всѣхъ непріятныхъ сценъ, объясненій и всего того, что могло волновать его или разстраивать его обыденную жизнь. Меня всегда поражало во всѣхъ случаяхъ самообладаніе князя. Никогда почти онъ не выходилъ изъ сдержанности своей и не измѣнялъ хладнокровной осанкѣ своей. Раздраженіе его замѣчалось только нѣкоторымъ дрожаніемъ голоса, извѣстною гримасою рта и прищуриваніемъ глазъ, но въ словахъ его почти никогда не вкрадывалось какое либо рѣзкое выраженіе. Много, когда онъ себѣ позволялъ язвительный намекъ или замѣчаніе. Но тѣмъ не менѣе, всѣ положительно боялись князя и оно понятно—никто не зналъ и не могъ подозрѣвать послѣдняго его слова, всякій его опасался и страшился послѣдствій, ежели когда-нибудь обыкновенная сдержанность князя перейдетъ въ гнѣвное раздраженіе. Въ этомъ отношеніи князь до конца оставался неразгаданнымъ.

Во всѣхъ дѣловыхъ вопросахъ, предстоявшихъ обсужденію и рѣшенію князя, меня всегда поражала проницательность его ума, широкій взглядъ на вещи и въ извѣстныхъ случаяхъ замѣчательная по его положенію практическая опытность, при отсутствіи знанія мелочей, которыя такъ чужды были его характеру, не говоря уже объ изученіи имъ человѣческой природы со всѣми ея слабостями. Бывало, при сложномъ докладѣ, при чтеніи записки, при разсматри-

ваніи представленнаго проекта, гдѣ все казалось такъ вѣрно, дѣльно и логично,—вниманіе князя вдругъ останавливалось на какомъ-либо ничтожномъ, повидимому, обстоятельствѣ или фразѣ редакціи, онъ приказывалъ отмѣтить ее, дослушивалъ все до конца и тогда высказывалъ свой взглядъ на замѣченное имъ. Выходило, что князь именно попадалъ на главное, на суть вопроса, мысль его проливала новый свѣтъ на все дѣло и окончательно измѣняла сложившіяся первоначально мнѣнія и убѣжденія. Это несомнѣнный признакъ и лучшее доказательство государственнаго ума кн. Воронцова. Не было человѣка болѣе либеральнаго во взглядахъ и формахъ, какъ князь. Полученное имъ въ Англіи воспитаніе несомнѣнно оставило слѣды свои на всей жизни его; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что умъ Воронцова вполнѣ сознавалъ въ то время необходимость извѣстной доли произвола въ начальникѣ и, хотя подъ самыми мелкими формами, но въ отношеніи къ своей власти кн. Воронцовъ былъ положительно деспотъ. Онъ допускалъ всякія сужденія, но разъ принявъ иногда, къ сожалѣнію, и сознательно-ложное направленіе, онъ не допускалъ противорѣчій, а еще болѣе тѣни сопротивленія.

Князь былъ врагъ всякихъ канцелярскихъ формальностей, онъ не переносилъ бюрократизма во всѣхъ его видахъ, а постояннымъ предметомъ его язвительныхъ насмѣшекъ были чиновничьи пріемы начальника Штаба и другихъ лицъ управленія. Онъ очень любилъ разсказывать анекдоты изъ прежней своей практики, обо всѣхъ абсурдахъ нашей бюрократической системы, напр., требованіе изъ Министерства свѣдѣній отъ исправниковъ о количествѣ саранчи въ уѣздѣ и т. под. Многосложный сводъ нашихъ законовъ князь глубоко презиралъ, онъ мало его зналъ и всегда увѣрялъ, что ежели не въ одной, то въ другой книгѣ можно найти тотъ законъ, который желаешь. Онъ не любилъ, когда ему выставляли различныя статьи свода, и очень часто съ особеннымъ удовольствіемъ не исполнялъ закона или дѣйствовалъ въ противность оному, если считалъ въ извѣстномъ вопросѣ для общаго дѣла это полезнымъ. Въ то время все это можно было дѣлать — всѣ молчали и все прикрывалось довѣріемъ Государя къ намѣстнику и властью его на Кавказѣ.

Князь былъ покровителемъ фритредеровъ; одесскій порто-франко былъ его созданіемъ, онъ всегда враждебно относился къ таможнѣ, и я помню, когда мы съ нимъ изъ Одессы возвращались въ 1850 г. на Кавказъ черезъ Редутъ-Кале и озабочены были, какъ провезти купленную нами въ порто-франко контрабанду, то князь приказалъ всѣ наши ящики написать на свое имя, и они прошли, разумѣется, безъ осмотра. Обстоятельство это очень его забавляло, и вещи наши были намъ выданы изъ его дома въ Тифлисѣ. Онъ часто говорилъ: „Quand le diable dans sa malveillance pour l'humanité créa les douanes, Dieu dans sa bonté inventa la contrabande".

Воронцова всегда очень интересовало экономическое развитіе ввѣреннаго ему края. Какъ въ Новороссійскомъ краѣ, такъ и на Кавказѣ князь чрезвычайно заботился о разведеніи полезныхъ растеній, усовершенствованіи винодѣлія и лучшихъ способахъ обработки земли и извлеченія доходовъ отъ плодородной почвы Кавказа. Въ Тифлисѣ заведена была образцовая ферма. Князь снабжалъ всѣхъ желающихъ виноградными крымскими лозами изъ своихъ садовъ и вообще его чрезвычайно занимали и служили ему развлеченіемъ успѣхи въ краѣ той или другой отрасли садоводства. Особенное вниманіе обратилъ онъ на воздѣлываніе марены и въ прикаспійскихъ провинціяхъ и Кумыцкой плоскости, и просвѣщенному его содѣйствію обязана была эта отрасль промышленности своимъ замѣчательно быстрымъ развитіемъ. Заботы его распространялись такъ же и на минеральныя богатства Кавказа. По его приказанію, изслѣдованы весьма многія мѣстности, и ежели неудачно построенный Алагирскій серебряный заводъ около Владикавказа не оправдалъ возлагаемыхъ въ то время надеждъ, то открытіе Тквибульскихъ каменно-угольныхъ залежей въ Имеретіи, на посту Хумары, на Кубани, въ Койтаѣ, въ Дагестанѣ и въ другихъ мѣстахъ, также болѣе правильная обработка нефтяныхъ источниковъ въ краѣ и вообще то движеніе, которое князь далъ частной предпріимчивости и промышленнымъ силамъ на Кавказѣ, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ его управленія. При князѣ дѣйствительно торговыя и промышленныя силы страны вышли изъ прежняго рутиннаго направленія, благодаря тому просвѣщенному

и либеральному участію, которое онъ принималъ въ этихъ вопросахъ. Положительно каждый частный человѣкъ находилъ въ своемъ дѣлѣ въ лицѣ князя, при его доступности, не только опытнаго совѣтника, но и мощнаго покровителя противъ канцелярскихъ и бюрократическихъ порядковъ, которыми всегда тормозится частная предпріимчивость у насъ въ Россіи и которымъ такъ не сочувствовала натура князя и широкій взглядъ его на дѣло.

Воронцовъ имѣлъ системою постоянно покровительствовать туземному населенію, хранить, по возможности, его обычаи, историческія преданія и порядки. Нѣтъ сомнѣнія, что направленіе это имѣло свою хорошую сторону въ политическомъ отношеніи и, отчасти, административномъ, но много нареканій на князя,—особенно, разумѣется, со стороны чиновниковъ,—и порицаній его дѣйствій приходилось слышать, и дѣйствительно въ извѣстной степени они были справедливы. Князь впадалъ часто въ крайности, но за то пользовался полнымъ довѣріемъ и особою привязанностью туземцевъ, часто употреблявшихъ во зло участіе къ нимъ Главнаго начальника. Въ послѣдніе годы управленія на Кавказѣ, вслѣдствіе и другихъ, совершенно частныхъ, причинъ и постороннихъ вліяній, система князя обратилась въ положительную слабость къ Грузинамъ. Интересы частныхъ лицъ и семействъ до того имъ усваивались, что часто онъ приносилъ въ жертву болѣе важные общіе интересы и даже справедливость своимъ старческимъ влеченіямъ къ Грузинамъ. Замѣчательно было, какъ я уже говорилъ, въ князѣ глубокое знаніе человѣческаго сердца и людей; онъ умѣлъ всегда пользоваться слабою стороною каждаго и, при наружной простотѣ своего обхожденія, изучать весьма вѣрно склонности и характеръ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло. Долговременный опытъ жизни, къ сожалѣнію, заставлялъ его весьма скептически относиться къ человѣчеству, но при поразительномъ самообладаніи князь никогда этого не показывалъ и умѣлъ даже заставлять вѣрить въ свою довѣрчивость и часто совершенно мнимое участіе. Разумѣется, князь могъ ошибаться въ людяхъ, но сколько я его понимаю, онъ ошибался почти всегда сознательно и терпѣлъ недостойныхъ людей, глубоко презирая ихъ, или въ виду той пользы для дѣла, которую онъ отъ

нихъ извлекалъ, или же изъ чисто эгоистическихъ личныхъ видовъ. Достаточно вспомнить о докторѣ А.

Князь Воронцовъ безусловно вѣрилъ въ медицинскія познанія А. и въ этомъ отношеніи, повидимому, не ошибался. А. такъ долго состоялъ при князѣ, такъ принаровился къ его натурѣ, что положительно поддерживалъ его и чрезвычайно удачно, хотя иногда и самыми рѣшительными средствами, исцѣлялъ князя отъ его болѣзней. Къ тому же онъ умѣлъ выставлять свои знанія и пріобрѣсти неограниченное, какъ къ медику, довѣріе князя. Несмотря на хитрый умъ его и несомнѣнныя познанія, грубость формъ А., безтактность и неразборчивость выраженій на каждомъ шагу должны были поражать аристократическую натуру князя. Онъ иногда даже высказывался объ этомъ, но въ присутствіи А. рѣшительно все терпѣлъ и сносилъ. Съ каждымъ годомъ видимо усиливалось вліяніе этого человѣка на князя; онъ видѣлъ въ немъ единственное средство къ поддержанію своего потрясеннаго лѣтами и болѣзнью организма, а по мѣрѣ ослабленія физическихъ силъ князь все болѣе и болѣе привязывался къ жизни и дорожилъ ею. А. очень хорошо это понималъ и пользовался своимъ вліяніемъ для всевозможныхъ корыстолюбивыхъ своихъ цѣлей; кромѣ того, по безпокойному своему характеру, любилъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, высказывать самыя рѣзкія и пристрастныя сужденія о лицахъ и нравственно и матеріально, можно сказать, торговалъ своимъ вліяніемъ.

А. вообще никто не уважалъ и не любилъ. Онъ необыкновенно ловко, особенно въ послѣдніе годы, умѣлъ пользоваться слабостями князя и, женившись на грузинкѣ, служилъ орудіемъ для многихъ несправедливыхъ и даже вопіющихъ дѣлъ въ пользу извѣстныхъ личностей и фамилій, покровительствуемыхъ княземъ. Онъ не былъ въ сущности дурной человѣкъ, и сердце было у него доброе, но онъ обладалъ въ высшей степени духомъ интриги, былъ до крайности раздражителенъ и не разбиралъ никакихъ средствъ для достиженія своей цѣли. Онъ компрометировалъ князя такъ часто и во многомъ, не скрывая своего вреднаго вліянія, что положительно много пристрастныхъ и даже неблаговидныхъ распоряженій намѣстника были плодомъ подпольныхъ дѣйствій А.....

Въ 1847 г., когда съ отрядомъ мы осаждали укрѣпленный аулъ Салты, князь сильно заболѣлъ глазами. Онъ долженъ былъ все время въ темной палаткѣ избѣгать свѣта и, наконецъ, болѣзнь его до того усилилась, что угрожала ему потерею зрѣнія. Въ то время бывшій у насъ въ отрядѣ извѣстный Пироговъ положительно высказался въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ объ исходѣ болѣзни. Князь, съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносившій всѣ физическія страданія, страшно пораженъ былъ мыслью ослѣпнуть. А....., никогда ни въ чемъ несомнѣвающійся, самъ былъ крайне взволнованъ и озабоченъ. Наконецъ рѣшился онъ на самое энергическое и, кажется, еще никогда въ то время не испробованное средство. Онъ сильнымъ растворомъ ляписа началъ дѣлать впрыскиванія въ глаза князя и окончательно вылечилъ его. Я помню, что въ 1849 г., когда глазныя болѣзни свирѣпствовали во французскихъ войскахъ при осадѣ Рима, князь получилъ брошюру, въ которой упоминалось о ляписѣ, какъ специфическомъ средствѣ въ этой болѣзни. Можно себѣ представить, какъ этимъ воспользовался А..... и сумѣлъ укрѣпить вѣру князя въ его медицинскія знанія.

Кажется, въ 1849 или 50-мъ году, извѣстный армянинъ И. М..... М....., одинъ изъ главныхъ подрядчиковъ Кавказской арміи, представилъ, разумѣется черезъ А....., проектъ поставки изъ Россіи спирта для войскъ въ Дагестанъ. Прежде, какъ въ Закавказьѣ, такъ и въ Дагестанѣ, войска наши постоянно снабжались туземнымъ спиртомъ изъ винограда — по линіи изъ Кизляра, а въ Грузіи водкой изъ Кахетіи. Весьма малое количество хлѣбнаго вина доставлялось изъ Россіи. А....., имѣвшій всегда стачки со всѣми подрядчиками, уже нѣсколько времени передъ тѣмъ высказывалъ свое мнѣніе о вредномъ вліяніи на здоровье войскъ винограднаго вина и о преимуществѣ хлѣбнаго. Князь весьма основательно никакъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и, кромѣ того, въ употребленіи мѣстнаго спирта видѣлъ поощреніе мѣстной промышленности. Проектъ условія М..... былъ переданъ не въ штабъ, какъ того требовалъ порядокъ, а въ канцелярію. Не помню кто, Сафоновъ или Щербининъ, не рѣшаясь идти противъ А....., но видя явно въ этомъ зло-

употребленіе, просили меня объяснить дѣло князю и оградить его отъ справедливыхъ нареканій. Я взялъ контрактъ и, помню, утромъ высказалъ свое мнѣніе князю, не жалѣя А....., и при этомъ указалъ, что мнимая выгодность цѣнъ въ сравненіи съ существующими есть явный обманъ. Дѣло въ томъ, что въ контрактѣ было сказано: поставку такого-то количества категорическаго (такъ называлось казенное порціонное вино войскамъ) дозволяется ввести въ такіе-то порты Каспійскаго края для довольствія войскъ по такой-то цѣнѣ, затѣмъ прибавлено — и чарочнаго. Эта послѣдняя оговорка не стѣсняла уже подрядчика ни количествомъ ввозимаго вина, ни цѣною продажи въ раздробь, и равносильна была вытѣсненію изъ употребленія туземнаго спирта не только въ Дагестанѣ, но и въ Грузіи. Князь былъ пораженъ моими доводами, нѣсколько разъ прочитывалъ контрактъ и сказалъ мнѣ, улыбаясь: „certainement il y a de l'A..... la dessous,—mais cette fois-ci cela ne lui réuissira pas". На другое утро, до моего прихода, князь, вѣроятно, рѣзко поговорилъ съ А....., потому что, когда я вошелъ въ кабинетъ, контрактъ лежалъ на столѣ и сконфуженный А..... со страшной злобой посмотрѣлъ на меня и вышелъ изъ комнаты. Князь ничего не сказалъ, но видимо былъ взволнованъ; контрактъ положилъ онъ въ ящикъ своего стола. На другой день А....., прійдя утромъ въ кабинетъ, сталъ при мнѣ пристально всматриваться въ глаза князя; старикъ встревожился, когда А..... сказалъ ему, что онъ замѣчаетъ красноту и раздраженіе. Сейчасъ же были спущены сторы въ кабинетѣ. Князю надѣли зеленый зонтикъ на глаза и началось какое-то леченіе, вслѣдствіе котораго въ продолженіе 7-ми или 8-ми дней его уже не выпускали изъ темной спальни. Въ семействѣ и городѣ поднялась общая тревога, всѣ надежды сосредоточились на А..... Возмущенный всѣмъ тѣмъ, чему я былъ свидѣтелемъ, я, кажется, княгинѣ высказалъ мои догадки и, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не скрывалъ своего мнѣнія о дѣйствіяхъ А..... Князь наконецъ поправился, но контрактъ былъ подписанъ и дѣло сдѣлано—дальнѣйшія подробности мнѣ неизвѣстны. Разсказываю объ этомъ фактѣ, какъ объ одномъ изъ поразившихъ меня болѣе всего въ отношеніяхъ князя въ послѣдніе годы его жизни къ дѣлу,

когда эгоистическое чувство самосохраненія брало верхъ надъ общественными интересами. Я помню, какъ обстоятельство это меня крайне огорчило. Князь избѣгалъ говорить со мной о контрактѣ М....., и мнѣ помнится, что какъ-то разъ я нарочно намекнулъ на это дѣло, что̀ возбудило временно явное неудовольствіе противъ меня князя. Можетъ быть, А..... удалось убѣдить князя и другими болѣе вѣскими передъ моими доводами — сердечно желалъ бы для памяти князя этому вѣрить.

Князь Воронцовъ любилъ строгую исполнительность по службѣ и, вообще, не допускалъ, чтобы прекословили или противодѣйствовали его видамъ и намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, какъ выше сказано, совершенный деспотъ; неудовольствіе свое высказывалъ всегда сдержанно и скорѣе язвительными намеками, но мнѣніе о лицѣ неисполнившемъ его виды или непонявшемъ его приказанія устанавливалось надолго въ памяти князя, и много надобно было сдѣлать впослѣдствіи, чтобы измѣнить составившійся у него взглядъ о достоинствахъ или способностяхъ человѣка.

При самомъ же исполненіи князь совершенно не обращалъ вниманія на форму, лишь бы была суть дѣла. Такъ совершенно безразлично было написать ему рапортъ по возложенному порученію на бѣлой или сѣрой бумагѣ, явиться за приказаніями или съ докладомъ въ мундирѣ или въ сюртукѣ безъ эполетъ и т. п. Вообще, въ службѣ онъ держался духу и смыслу, а не наружной формы. Для окружающей его молодежи и приближенныхъ нельзя было вообразить себѣ болѣе снисходительнаго, внимательнаго и добраго начальника. Всѣ шалости молодежи, разумѣется неимѣющія характера ни буйства, ни явнаго неприличія, встрѣчали скорѣе въ немъ симпатичный интересъ къ проявленію молодости, чѣмъ взыскательное отношеніе начальника къ своимъ подчиненнымъ.

Приведу одинъ примѣръ. Какъ-то разъ, возвращаясь изъ театра въ прекрасную весеннюю Тифлисскую ночь, зашелъ я поужинать въ клубъ, расположенный на площади, какъ разъ передъ домомъ Главнокомандующаго. Къ зданію клуба примыкалъ на площади садъ, открытый со всѣхъ сторонъ на улицу. Въ этомъ саду нашелъ я товарища своего Васильчикова и двухъ-трехъ пріятелей, ужинавшихъ на открытомъ воздухѣ. Я подсѣлъ къ нимъ и

вдругъ родилась мысль послать за оркестромъ музыки гренадерскаго полка, чтобы усладить нашъ кейфъ. Задумано и сдѣлано. Менѣе чѣмъ черезъ часъ, 60 музыкантовъ стояли передъ нами въ саду, который мы освѣтили свѣчами и фонарями, и на первые звуки музыки стали сходиться изъ сосѣднихъ домовъ къ намъ знакомые, публика смотрѣла на насъ съ улицы, народу роздали вино и образовался импровизированный пиръ. Собралось много знакомыхъ, другихъ посылали мы будить и зазывать и такимъ образомъ пропировали до разсвѣта. Затѣмъ съ хоромъ музыки пошли гулять по городу, давая серенады спавшимъ товарищамъ. Въ 7 часовъ я былъ однакоже, по обыкновенію, на службѣ у князя. Я замѣтилъ въ немъ немного усталый видъ; онъ ласково спросилъ меня: „вчера вы, кажется, кутили, что у васъ было?“ Я разсказалъ ему все наше препровожденіе времени. Князь очень смѣялся мысли призвать хоръ музыки на первоначальный ужинъ, состоявшій изъ 4-хъ персонъ, и тутъ же припомнилъ, какъ кутилъ онъ во время Циціанова въ 1802 г. въ томъ же Тифлисѣ еще молодымъ офицеромъ. Когда я вышелъ изъ кабинета къ завтраку, который намъ обыкновенно подавали на другой половинѣ дворца, камердинеръ князя Джіованни, котораго не знаю почему такъ называли (онъ же былъ просто Иванъ Донцовъ, знающій, правда, всѣ иностранные языки одинаково плохо), разсказалъ мнѣ слѣдующее. Отъ непомѣрнаго нашего шума, криковъ ура и грома музыки князь проснулся въ первомъ часу ночи и приказалъ Джіованни узнать, что происходитъ на улицѣ, откуда всѣ звуки долетали до спальни его. Камердинеръ, вышедши на балконъ, увидѣлъ насъ всѣхъ на площади въ саду и просилъ позволенія у князя дать знать намъ, чтобы мы не тревожили его сонъ. Князь разсердился на Джіованни, запретилъ ему не только насъ тревожить, но даже и говорить, что мы его разбудили, сказавъ: „слава Богу, что моя молодежь довольна и веселится“. Намъ всѣмъ ужасно совѣстно было, что никому это въ голову и не пришло, и съ тѣхъ поръ избрали мы театромъ своихъ ночныхъ увеселеній ботаническій садъ и другія мѣста въ городѣ, но въ клубъ болѣе музыки не приглашали. Когда случались какія-либо шалости въ городѣ, князь, зная, что я постоянно въ нихъ участвовалъ, всегда

разспрашивалъ меня о нашихъ похожденіяхъ и сердечно смѣялся нашимъ шуткамъ. Хочу, въ доказательство того, какъ князь добродушно и снисходительно понималъ наши шутки и фарсы, разсказать о случаѣ, бывшемъ подъ Салтами въ 1847 г.

Въ первое время осады, наибъ Шамиля Хаджи-Муратъ почти каждую ночь вывозилъ, сколько помнится, 4 или 5 орудій на высоты, господствующія надъ нашей позиціей и постоянно тревожилъ нашъ лагерь. Выстрѣлы непріятеля преимущественно были направлены на горную террасу, гдѣ расположенъ былъ штабъ главнокомандующаго. Стрѣляли гранатами на весьма дальнее разстояніе и навѣсными выстрѣлами, на которые наша артиллерія не могла отвѣчать. Обыкновенно, какъ начиналась стрѣльба, всѣ мы выходили съ княземъ на обрывистую оконечность нашей позиціи; въ темныя южныя ночи полетъ свѣтящихся гранатъ ясно обозначался и мы до того примѣнились, что почти всегда угадывали, куда должна была лечь граната. Многія изъ нихъ не долетали до позиціи, но большая часть дѣйствительно достигала цѣли и разрывалась то въ самомъ штабѣ, то на нижнихъ террасахъ расположеннаго подъ нами лагеря. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, покуда не прогнали мы непріятеля, это зрѣлище служило намъ развлеченіемъ и подавало поводъ ко многимъ шуткамъ и фарсамъ. Докторъ А..... положительно не могъ преодолѣть присущаго ему чувства самосохраненія; при каждомъ выстрѣлѣ онъ приходилъ въ тревожное безпокойство, волненіе его переходило всѣ предѣлы приличій и достоинства и постоянно служило предметомъ нашихъ насмѣшекъ. Палатка А..... расположена была недалеко отъ ставки главнокомандующаго; позади его на нижней террасѣ была моя палатка, въ которой я жилъ съ Васильчиковымъ, и около меня палатка извѣстнаго впослѣдствіи по защитѣ Севастополя Влад. Ив. Истомина, принимавшаго въ 47 г. въ составѣ штаба князя участіе въ Салтинской экспедиціи. Какъ бывало стемнѣетъ, передъ временемъ, когда обыкновенно непріятель начиналъ стрѣльбу по лагерю, мы зажигали, подъ предлогомъ заготовлять уголь для самовара, огромный костеръ около нашей палатки, зарево котораго освѣщало и палатку А..... Сначала Э..... С..... употреблялъ угрозы и ругательства надъ нашими денщиками,

наконецъ просьбы къ намъ, чтобы потушить костеръ, который, по мнѣнію его, привлекалъ непріятельскіе выстрѣлы прямо на его палатку. Мы, разумѣется, не обращали вниманія на его доводы и только больше разжигали костеръ. Жалобы А..... на насъ князю остались тоже безъ успѣха: князь съ хладнокровной своей улыбкой отвѣчалъ, что онъ не можетъ препятствовать намъ разводить костры, гдѣ и когда намъ угодно. А....., вслѣдствіе этого, торжественно предсказывалъ, что, благодаря намъ, не только его, но и князя палатка неминуемо будетъ разорвана непріятельскими гранатами, самъ же, какъ только начиналась стрѣльба, пользуясь темнотою ночи, обыкновенно скрывался на террасахъ, въ мѣстахъ, по его мнѣнію, болѣе безопасныхъ. Мы постоянно за нимъ слѣдили, что составляло предметъ шутокъ и разговоровъ всего штаба — и, наконецъ, придумали слѣдующее школьничество. Во время стрѣльбы прокрались мы незамѣтно въ палатку А....., кинжаломъ прорѣзали верхнюю часть холста въ нѣсколькихъ мѣстахъ и положили на койку его два осколка гранаты. Затѣмъ потушили, разумѣется, костеръ свой и, когда все успокоилось, прослѣдили, какъ А..... изъ своего убѣжища прокрадывался на ночлегъ въ палатку. Онъ въ этихъ случаяхъ никогда не зажигалъ огня, изъ опасенія привлечь непріятельскіе выстрѣлы. Каково же было его удивленіе, когда, ложась на койку, онъ наткнулся на осколки гранаты. Позвавъ казаковъ, онъ поднялъ страшную тревогу и шумъ, покуда мы задыхались отъ смѣха за его палаткой. На несчастье А....., въ эту ночь пошелъ проливной дождь и прорѣзанная крыша палатки пропускала весь ливень на его койку. Я зналъ, что Эрастъ Степановичъ непремѣнно доложитъ объ этомъ обстоятельствѣ утромъ князю съ новой жалобой на наши костры, почему, вставши пораньше, я взошелъ въ палатку князя и разсказалъ ему о нашей шалости, прося сохранить секретъ и не выдавать насъ А..... Князь смѣялся до слезъ и серьезно выдержалъ свою роль, когда А..... доложилъ ему объ опасности, которой онъ подвергался. Князь обѣщалъ ему запретить намъ разводить костры и потомъ разсказывалъ мнѣ всю эту сцену, добродушно смѣясь надъ трусостью Эр. Степановича. Повидимому, князь не выдалъ насъ, такъ какъ

въ 1870 г., когда я посѣтилъ А..... на его дачѣ около Одессы, гдѣ онъ жилъ въ отставкѣ, я видѣлъ у него на каминѣ знаменитые осколки, которые онъ мнѣ показывалъ, нисколько не подозрѣвая настоящаго дѣла.

Вообще князь чрезвычайно любилъ, чтобы молодежь была молодежью, веселилась — иногда и черезъ мѣру. Онъ никогда не порицалъ излишняго, можетъ быть, проявленія нашихъ жизненныхъ силъ, но не любилъ въ молодыхъ людяхъ всякую напускную и неестественную лѣтамъ серьезность. Разумѣется, все должно было происходить прилично, въ самомъ даже часто неприличіи, какъ подобаетъ порядочнымъ, но увлекающимся молодымъ людямъ. Нравственныя понятія его въ отношеніи семейной жизни, къ сожалѣнію, были очень широки; его интересовали даже наши интриги въ обществѣ, и часто слышалъ я отъ него довольно циническое выраженіе о супружескомъ бытѣ: „Eh, mon cher, quand on le sait, c'est bien peu de chose, et quand on ne le sait pas ce n'est rien du tout".

Князь принималъ всегда участіе во всѣхъ даже частныхъ дѣлахъ ему приближенныхъ. Достаточно было ему узнать о нуждахъ кого-нибудь, чтобы совершенно естественно и просто придти ему на помощь со стойственною ему одному только деликатностью настоящаго grand seigneur'a. Онъ былъ чрезвычайно щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разборчивъ. Часто случалось мнѣ докладывать ему о нуждахъ бѣдныхъ офицеровъ и никогда князь не отказывалъ въ пособіи или даже выручкѣ изъ затруднительнаго положенія заслуженныхъ или достойныхъ людей. Припоминаю одинъ случай. На правомъ флангѣ на Лабѣ комендантомъ Тимергоевскаго укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ командиромъ расположеннаго тамъ линейнаго баталіона былъ извѣстный старикъ полковникъ Генигъ, всю свою службу проведшій на Кавказѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ пользовался общимъ уваженіемъ и имѣлъ огромное вліяніе на покорныя и непокорныя намъ сосѣднія съ укрѣпленіемъ Черкесскія племена. Его справедливость, честность, въ случаѣ нужды боевая энергія, а главное знаніе характера населенія и широкое гостепріимство были извѣстны почти всѣмъ черкесамъ праваго фланга. Онъ никогда не измѣнялъ разъ данному слову и часто

немирные князья пріѣзжали къ нему судиться или совѣтоваться по своимъ частнымъ внутреннимъ дѣламъ. Онъ, по азіатскому обычаю, пріѣзжихъ одарялъ богатыми подарками, оружіемъ или лошадями и тѣмъ поддерживалъ свое вліяніе между непокорными племенами. Словомъ, Генигъ былъ честный, умный и во всѣхъ отношеніяхъ отличный человѣкъ, но жилъ далеко не по средствамъ, и когда ему пришлось сдавать баталіонъ, то у него недоставало казенныхъ суммъ, кажется, до 4-хъ тысячъ. Приходилось заслуженному старику идти подъ судъ и потерять плоды долговременной своей службы. Князь зналъ хорошо и умѣлъ цѣнить Генига. Въ то время мы проѣзжали по Кубани и я, узнавъ о затрудненіи Генига, не остановился все разсказать князю, и онъ немедля приказалъ мнѣ изъ своихъ денегъ отправить Генигу 4.000 р.

Говоря о качествахъ князя, нельзя также не сознавать и того эгоистическаго направленія, съ которымъ онъ смотрѣлъ вообще на людей. Онъ дѣйствительно цѣнилъ, поощрялъ, скажу болѣе, привязывалъ своимъ обхожденіемъ тѣхъ, изъ которыхъ онъ могъ извлечь пользу какъ для себя, такъ и для дѣла; но разъ какъ надобность въ лицахъ миновалась или по какимъ либо обстоятельствамъ нельзя было князю болѣе ожидать того, чѣмъ онъ въ немъ дорожилъ, то онъ такъ же легко съ ними разставался, какъ скоро забывалъ все прошлое *). Въ отношеніи себя онъ дѣйствительно не жалѣлъ тѣхъ, которые необходимы были ему по его привычкамъ. При всемъ своемъ вниманіи, онъ часто не хотѣлъ замѣчать ни физической усталости, ни даже часто изнеможенія при исполненіи его требованій. При этомъ иногда дѣйствительно вырывались у него сердечные проблески участья и даже благодарности, но скоро это заглушалось эгоистическимъ стремленіемъ къ удовлетворенію своихъ привычекъ. Все это испыталъ я на себѣ и скажу, что ежегодно съ лѣтами все болѣе развивалась эта сторона характера князя. Такъ, напримѣръ, онъ мало думалъ о служебныхъ выгодахъ ему близкихъ лицъ, ежели они могли въ чемъ либо не сходиться съ его личными интересами.

---

*) О разставаніи моемъ съ княземъ будетъ упомянуто въ воспоминаніяхъ за 53 годъ.

Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, я прибылъ съ княземъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ по нѣкоторымъ важнымъ для Кавказа вопросамъ снестись съ Министрами, передъ поѣздкою своею въ Варшаву для совѣщанія съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. По военной части въ Петербургѣ при князѣ былъ помощникъ начальника Штаба генер. Гоголь, по гражданской баронъ Николаи, изъ адъютантовъ — я одинъ. Ген. Гоголь остался по дѣламъ въ Петербургѣ, только я и Николаи сопровождали князя въ Варшаву и еще казачій офицеръ Мансурадзевъ, начальникъ конвойной команды князя, почти всегда съ нами ѣздившій, да, кажется, два или три писаря по военной и гражданской части. Въ Варшавѣ намъ было отведено помѣщеніе въ Лазенкахъ въ зданіи Померанцева, около дворца, гдѣ жилъ Государь. Баронъ Николаи, подъ предлогомъ тѣсноты помѣщенія, остановился въ гостинницѣ въ самой Варшавѣ и почти все время нашего пребыванія уклонялся отъ всякаго дѣла, такъ что по гражданской и военной канцеляріи пришлось работать мнѣ одному. Мы пробыли, кажется, 6 или 7 дней въ Лазенкахъ. Я до того былъ занятъ и заваленъ дѣлами, подготовленіемъ докладовъ и составленіемъ записокъ, ежедневнымъ отправленіемъ фельдъегерей изъ Петербурга и Кавказа съ дѣлами на имя князя, что всего одинъ разъ удалось мнѣ только провести вечеръ въ городѣ и повеселиться. Въ страшную лѣтнюю жару я рѣшительно проводилъ и дни, и почти цѣлыя ночи, за бумагами въ маленькой комнатѣ, раздѣленной корридоромъ отъ 2-хъ или 3-хъ комнатъ, которыя занималъ князь. Каждое утро, иногда не спавши цѣлую ночь, я являлся къ князю съ записками и бумагами, которыя онъ долженъ былъ докладывать Государю. Обыкновенно около 11-ти часовъ я надѣвалъ мундиръ и съ портфелемъ доклада сопровождалъ князя въ Лазенки до самой двери кабинета Государя, гдѣ передавалъ князю бумаги, вкратцѣ припоминая ему содержаніе оныхъ; затѣмъ ожидалъ въ залѣ его выхода и, возвратившись домой, немедленно садился за исполненіе бумагъ. Мнѣ приносили изъ дворца обѣдъ и обыкновенно до разсвѣта я не разгибался отъ письменнаго стола. Князь каждый вечеръ, возвращаясь отъ Государя, гдѣ онъ обыкновенно игралъ въ карты, заходилъ ко мнѣ, передавалъ приказанія и разсказывалъ

многія подробности о своихъ разговорахъ съ разными лицами по поводу дѣйствій въ Венгріи, политическаго настроенія Европы и взглядовъ Государя на Кавказскія наши дѣла. Въ теченіе дня также часто приходилъ онъ ко мнѣ въ комнату; было такъ жарко, что я сидѣлъ въ одной рубахѣ, и князь былъ такъ добръ, что никогда не позволялъ мнѣ одѣваться. Разъ даже, заставъ меня дремавшимъ на маленькомъ диванѣ, въ ожиданіи переписки писаремъ заготовленныхъ мною бумагъ, онъ пошелъ въ свою комнату, тихонько принесъ мнѣ подушку и осторожно подложилъ мнѣ подъ голову. Я узналъ это отъ его человѣка, у котораго онъ постоянно спрашивалъ, въ которомъ часу я ложился и удивлялся, видя меня въ 7 часовъ уже у себя въ кабинетѣ готовымъ къ обычной работѣ. Мнѣ онъ никогда не выразилъ на словахъ ни своей благодарности, ни участія къ моему положительно изнеможенному состоянію. Разъ только, помню, подошедши къ столу, за которымъ я писалъ и не замѣчалъ его прихода, онъ поцѣловалъ меня въ голову (это была его привычка) и сейчасъ же ушелъ въ свою комнату. Другой разъ, видя, что отъ безсонницы и жары у меня страшно болѣла голова, онъ, выѣзжая куда-то, когда я его проводилъ съ лѣстницы, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ: „merci, mon ami“.

Къ Николаи онъ обращался только тогда, когда сему послѣднему угодно было пріѣхать изъ города въ Лазенки, не измѣняя въ отношеніи къ нему нисколько своего обычнаго расположенія и привѣтливости.

Наконецъ настала минута отъѣзда. Наканунѣ этого дня утромъ явился Николаи въ мундирѣ къ князю и съ обыкновенною важностью и сухостью своею просилъ представить его Государю. Князь нашелъ это совершенно естественнымъ и приказалъ Мансурадзе также явиться. Я взялъ портфель съ докладомъ и пошелъ вмѣстѣ съ ними и съ княземъ во дворецъ. Видѣвши, что князь мнѣ ничего не говоритъ, я, передавъ бумаги, остался дожидаться въ другихъ комнатахъ. Князь вызвалъ Николаи и Мансурадзе и представилъ ихъ Государю; первый, кажется, тутъ же былъ поздравленъ камергеромъ, а второй получилъ слѣдующій чинъ. Я же, взявъ отъ князя докладъ, вмѣстѣ съ нимъ вернулся домой.

Признаюсь, я никогда не испыталъ такого чувства озлобленія, какъ то, которое овладѣло мною въ эту минуту. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь поздравилъ бы меня флигель-адъютантомъ, можетъ быть и вѣроятнѣе всего, что это званіе, отклонивъ меня отъ Кавказа, лишило бы меня возможности сдѣлать ту карьеру, которую я сдѣлалъ, и упрочить такъ счастливо свою жизнь. Не сомнѣваюсь и твердо вѣрю, что судьба устроила все къ лучшему, но въ ту минуту, о которой говорю, я чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ невниманіемъ князя. Я недоумѣвалъ: хотѣлъ ли онъ наказать меня за мою гордость, ожидая, что я буду его просить, чего никогда не дѣлалъ для себя, или это была просто забывчивость съ его стороны, что́ для меня было еще оскорбительнѣе. Потомъ, размышляя, я пришелъ къ убѣжденію, быть можетъ, слишкомъ самонадѣянному и для меня лестному, что въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ чисто эгоизмъ князя, привыкшаго ко мнѣ и опасавшагося, что съ новымъ назначеніемъ я долженъ буду оставить мою при немъ службу. Къ счастью, князь немедленно выѣхалъ изъ дому и я имѣлъ нѣсколько часовъ времени, чтобы, успокоившись, вполнѣ вступить въ полное самообладаніе, и тогда поставилъ я себѣ задачей ни въ чемъ не показать князю, что обстоятельство это чѣмъ либо подѣйствовало на меня и на мои къ нему отношенія. Я имѣлъ достаточно силы воли, чтобы выдержать вполнѣ характеръ; я встрѣтилъ князя съ обычными своими пріемами и сѣлъ съ нимъ въ карету въ обратный путь въ С.-Петербургъ, немедленно взявшись за чтеніе послѣднихъ газетъ. Видимо князь чувствовалъ себя въ неловкомъ передо мною положеніи, что̀ служило мнѣ лучшимъ удовлетвореніемъ накипѣвшимъ во мнѣ чувствамъ. Онъ необычайнымъ вниманіемъ своимъ старался выказывать мнѣ свое особое расположеніе во время всей дороги, и тутъ въ первый разъ за чаемъ онъ удѣлилъ мнѣ ложку изъ бутылки столѣтняго рому, котораго онъ никому не давалъ (у него всего оставалось отъ дѣда пять таковыхъ бутылокъ и онъ изрѣдка, при усталости, наливалъ въ свой стаканъ ложку этого необыкновеннаго напитка). Разъ даже предложилъ мнѣ курить въ каретѣ, чего онъ не допускалъ, и обыкновенно я курилъ на станціи, покуда мѣняли лошадей. Ромъ я выпилъ, курить отказался и съ своей стороны чутко слѣдилъ за

собою, чтобы не измѣнить себѣ въ моемъ поведеніи съ княземъ. Съ такими дипломатическими пріемами мы доѣхали благополучно до Петербурга, гдѣ я забылъ все случившееся и съ прежнею привязанностью предался моему влеченію къ князю.

Не знаю, это ли обстоятельство повліяло на то, что годъ спустя, т.-е. въ 1850 г., при пріѣздѣ Государя Наслѣдника на Кавказъ, гдѣ я все время вмѣстѣ съ княземъ сопровождалъ Его Высочество, только-что произведенный въ ротмистры, вдругъ, по возвращеніи Наслѣдника въ Петербургъ, Высочайшимъ приказомъ произведенъ былъ въ полковники. Ясно, что такой неожиданной, выходящей совершенно изъ ряда, наградой я обязанъ особому личному ходатайству Воронцова черезъ Наслѣдника у Государя. Я помню, что когда мнѣ объявлена была эта награда, я вѣрить не хотѣлъ, а князь, съ непритворною радостью поздравляя и обнимая меня, сказалъ: „enfin, mon cher, je puis vous prouver, combien j'apprécis vos services et combien je suis content de vous". Относилось ли это къ Варшавскому эпизоду—не знаю, но князь ничего не говорилъ безъ цѣли, и скорѣе думаю, что этимъ онъ хотѣлъ намекнуть на разсказанное мною обстоятельство.

Князь чрезвычайно высоко понималъ и цѣнилъ военныя доблести, давая собою всегда примѣръ исполненія военнаго долга съ тою естественностью и простотою, которая еще болѣе выставляла его достоинства. Онъ не любилъ хвастовства въ военномъ дѣлѣ и вообще всякаго фанфаронства, и въ храбрости болѣе всего цѣнилъ скромность; трусость онъ презиралъ глубоко, а человѣкъ подверженный этой слабости окончательно терялъ въ его глазахъ. Припоминаю случай во время осады аула Салты въ 1847 г. Мы шли съ княземъ по траншеѣ на полуружейный выстрѣлъ отъ стѣнъ непріятельскихъ укрѣпленій; впереди насъ шелъ командиръ Ширванскаго полка Плацъ-Бекъ-Кокунъ,—массивная, громаднаго роста, чрезвычайно воинственная фигура, но не съ таковою же душою; по траншеѣ расположены были его баталіоны. Мѣстами насыпи не были достаточно высоки, и горцы обыкновенно пользовались этимъ, чтобы стрѣлять въ проходящихъ. Въ этихъ мѣстахъ Кокунъ, при огромномъ своемъ ростѣ, сгибался. Князь, увидѣвъ эту продѣлку раза два, не вытерпѣлъ и, остановившись въ одномъ изъ

опасныхъ мѣстъ, сказалъ: „полковникъ, я всегда хотѣлъ помѣриться съ вами ростомъ — станьте-ка со мной“. Кокунъ, разумѣется, повиновался и общій хохотъ всей свиты служилъ лучшимъ наказаніемъ его слабонервности. Между тѣмъ, нѣсколько пуль просвистѣло надъ княземъ и Кокуномъ. Главнокомандующій, продолжая путь, сказалъ ему: „однако же вы значительно выше меня ростомъ, берегите свою голову“. Во мнѣніи князя репутація Кокуна была навсегда установлена.

Странно, какъ при той привычкѣ, которую имѣлъ князь обращаться съ людьми, при томъ англійскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ, наконецъ, при той высокой роли, которую онъ такъ давно игралъ, онъ былъ въ сущности застѣнчивъ. Это меня всегда удивляло. Совершенно свободно, опредѣленно и ясно выражаясь въ маломъ кружкѣ, князь видимо стѣснялся говорить оффиціально передъ большимъ собраніемъ; несмотря на лѣта его, онъ положительно былъ взволнованъ передъ тѣмъ, чтобы говорить, старался всегда избѣгать всѣхъ подобныхъ случаевъ, а ежели говорилъ, то весьма мало и съ видимымъ замѣшательствомъ.

Въ домашнемъ или близкомъ кругу князь очень любилъ разсказывать и весьма интересно разсказывалъ многія подробности о прошломъ, иногда весьма забавные анекдоты, и любилъ подсмѣиваться надъ своими и добродушно тѣшился дѣлаемыми мною фарсами.

Помню, какъ, кажется, въ 1850 г., будучи въ С.-Петербургѣ, я подписался на Модный Журналъ на имя графини Шуазель, жившей тогда въ Тифлисѣ съ Воронцовыми. Надобно сказать, что добрѣйшая графиня, несмотря на преклонныя лѣта свои, была до крайности умна, любезна, любила смѣяться, но имѣла весьма, оригинальныя стороны, надъ которыми Воронцовъ часто подсмѣивался. Между прочимъ, она никакого вниманія не обращала на свой туалетъ и была всегда, Богъ знаетъ какъ, одѣта. Утромъ за чаемъ въ кабинетѣ получается почта и журналы; я преспокойно отдаю графинѣ пакетъ съ напечатаннымъ ея адресомъ. Каково было удивленіе ея и смѣхъ князя, когда оказалось, что это модный журналъ. Сначала думали, что это ошибка почтальона, но такъ какъ присылка продолжалась еженедѣльно и постоянно служила

предметомъ насмѣшекъ князя, то явно было, что это чья-нибудь фарса. Я пресерьезно взялся узнать, кто это сдѣлалъ, и князь приказалъ написать оффиціальную бумагу въ почтамтъ. Тогда пришлось признаться ему, что сдѣлалъ эту шалость я. Надобно было видѣть, какъ онъ смѣялся, обѣщая мнѣ сохранить тайну. Но болѣе мѣсяца онъ не выдержалъ и разсказалъ графинѣ, отъ которой мнѣ за это сильно досталось. Разумѣется, какъ началось, такъ и кончилось все смѣхомъ.

Иногда князь былъ до того добродушенъ и благодушенъ, когда ничто особенно не озабочивало его, что въ эти минуты онъ на меня производилъ самое обаятельное впечатлѣніе. Я, казалось, угадывалъ тогда въ немъ все то, что̀ холодный разсудокъ и горькій опытъ жизни исказили въ его высокой душѣ, въ его любящемъ и мягкомъ сердцѣ.

Въ послѣдніе годы я положительно, какъ говорилъ, сдѣлался одной изъ его старческихъ привычекъ. Я принаровился совершенно къ его характеру; скажу болѣе,—сердечно привязался къ нему, сознавая его слабости. Меня глубоко огорчала, даже мучила необходимость сознавать недостатки князя, которые, при впечатлительности моей, особенно въ послѣдніе годы, должны были умѣрять уваженіе къ личности, къ которой до сихъ поръ еще сохраняю непритворную и неизмѣнную сердечную привязанность. Князь это все, повидимому, хорошо понималъ,—сколько сердце его способно было любить, онъ любилъ меня. Ни съ кѣмъ, можетъ быть, во время поѣздокъ въ одномъ экипажѣ или постоянныхъ занятій въ кабинетѣ онъ не былъ такъ откровененъ, насколько онъ могъ быть, какъ со мною. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, разсказывалъ многое изъ прошлаго и никогда не стѣснялся высказывать свое мнѣніе о лицахъ. Съ другой стороны, считаю знакомъ его ко мнѣ довѣрія, что никому и, можетъ быть, никогда не позволялъ князь съ глазу на глазъ говорить съ собою такъ, какъ мнѣ. Я часто ему говорилъ, увлекаясь своею привязанностью: je n'ai qu'un seul moyen, mon P-ce, de Vous payer le tribut de reconnaissance, que je Vous dois, qu'en vous disant ce, que les autres n'osent vous faire entendre la verité. Онъ вѣрилъ моему чистосердечію, иногда былъ недоволенъ, но никогда не останавливалъ меня. Были

случаи, когда онъ съ чувствомъ вставалъ съ своего мѣста, бралъ за голову и цѣловалъ меня. Случалось также, что недовольный моими иногда рѣзкими выходками и несоотвѣтствующими его личнымъ видамъ взглядами на дѣло или личность, употреблявшую во зло довѣріе князя, онъ перемѣнялъ разговоръ или съ холодностью отворачивался отъ меня. Иногда нѣсколько часовъ спустя, иной разъ и на слѣдующій день, онъ просто пожималъ мнѣ руку, говоря: „merci, mon ami“, и больше ничего. Я понималъ, въ чемъ дѣло, но понималъ также, что больше объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Утѣшаюсь мыслью, что преданностью моею къ князю мнѣ удалось, благодаря этимъ отношеніямъ, во многомъ, можетъ быть, остановить несправедливое рѣшеніе, вызванное лицами, злоупотреблявшими довѣріемъ князя и пользовавшимися его слабостью. Такъ же часто я имѣлъ утѣшеніе видѣть, что князь измѣнялъ свое мнѣніе о достойныхъ личностяхъ, оклеветанныхъ передъ нимъ низкими и подлыми интригами.

Въ послѣднее время я почти одинъ изъ адъютантовъ постоянно сопровождалъ князя въ его поѣздкахъ. Ѣздили мы обыкновенно по краю въ такъ называемыхъ желтыхъ дрожкахъ—родъ низкаго фаэтона на четверку лошадей, но среди котораго въ длину экипажа была еще скамейка; князь укладывалъ обыкновенно на нее свои ноги. Всю почти дорогу, подъ палящимъ солнцемъ, при пыли и вѣтрѣ, приходилось читать князю газеты или записки; онъ не могъ ни минуты быть совершенно празднымъ. Можно себѣ представить, что я терпѣлъ при исполненіи этой пытки въ продолженіе ежедневныхъ переѣздовъ. Князь часто во время чтенія дремалъ, даже засыпалъ, но достаточно было только пріостановиться чтеніемъ, чтобы князь сейчасъ пробудился и спросилъ: „où en sommes nous, mon cher?“

Я помню, въ 1849 г., ѣхавши на этотъ разъ въ дормезѣ изъ Петербурга въ Варшаву, мнѣ пришлось читать въ продолженіе всего пути. Когда я замѣчалъ, что князь дѣйствительно уснетъ, я клалъ газету, бумагу или книгу къ себѣ на колѣни и, закрывши глаза, громко бормоталъ невнятныя слова; мнѣ случалось самому при этомъ засыпать, иногда я просто притворялся спящимъ. Тогда князь осторожно поднималъ газету, иногда подкладывалъ мнѣ по-

душку подъ голову и самъ дѣйствительно засыпалъ. На каждой станціи Джіованни подносилъ мнѣ обыкновенно стаканъ вина или грогу, чтобы освѣжить засохшее отъ чтенія горло; я иногда приходилъ въ ожесточеніе, но добродушное постоянно вниманіе князя заставляло немедленно умолкать всякое чувство неудовольствія противъ него. Этимъ впрочемъ не кончались мои испытанія въ путешествіи; по всему пути и въ мѣстахъ остановки массами подавались просьбы; я обязанъ былъ разбирать ихъ, докладывать и потомъ пересылать въ канцелярію или штабъ по принадлежности. Большая часть изъ нихъ были незаконныя или неудобоисполнимыя жалобы на рѣшенія Сената, на резолюціи, исполненныя еще при Ермоловѣ и проч. Подобныя просьбы, конечно, не удовлетворялись и въ слѣдующую поѣздку тѣми же лицами опять подавались.

Князь всегда удивлялся необыкновенной моей памяти и часто со смѣхомъ выслушивалъ мои доклады о подаваемыхъ прошеніяхъ. Между прочимъ, припоминаю слѣдующій случай. Не помню въ которомъ году, ѣхали мы изъ Нухи въ Шемаху въ тѣхъ же желтыхъ дрожкахъ. На степи паслись стада съ татарскихъ кочевьевъ, какой-то старикъ татаринъ посреди дороги остановилъ экипажъ, поднимая прошеніе надъ головой съ обыкновеннымъ крикомъ: „сердаръ, орзимъ варъ“ (намѣстникъ, просьба есть). Князь велѣлъ остановить экипажъ и принять прошеніе; я, зная немного по-татарски, передалъ старику, что будетъ разобрано, и мы поѣхали дальше. Не развертывая прошенія, я тутъ же доложилъ князю, что татаринъ проситъ о разысканіи и возвращеніи ему двухъ буйволовъ, украденныхъ въ 1820 г. Князь отнялъ у меня прошеніе, положилъ въ карманъ и, пріѣхавъ на станцію, самъ прочелъ—оказалось вѣрно. Татаринъ этотъ во второй или третій разъ подавалъ намъ при проѣздѣ прошеніе.

Разборъ этихъ просьбъ отнималъ не мало у меня времени, и обыкновенно я это дѣлалъ вечеромъ, а иногда и ночью. Днемъ не было времени, потому что, когда мы пріѣзжали по маршруту въ какое-нибудь укрѣпленіе, станицу или штабъ-квартиру, то немедленно, переодѣвшись (мы еле успѣвали завтракать), князь сейчасъ же выѣзжалъ верхомъ осматривать, что̀ слѣдовало. Я долженъ былъ сопровождать его и мы возвращались только къ обѣду. Ве-

черомъ, когда князь садился играть въ карты, я былъ свободенъ, ежели только не приходилось принимать и отправлять курьеровъ и разбирать бумаги. Баронъ Николаи, хотя и сопровождалъ насъ, но до того излѣнился, что и гражданскія дѣла и почту приходилось часто мнѣ за него докладывать, а писать письма уже положительно выпадало на мою только долю во всѣхъ дневкахъ и продолжительныхъ остановкахъ. Если къ этому прибавить, что въ каждомъ углу Кавказа были у меня знакомые, сослуживцы по экспедиціямъ, пріятели, которые наперерывъ зазывали къ себѣ на угощенье вечеромъ, продолжавшееся иногда до разсвѣта, а между тѣмъ въ дорогѣ къ 6-ти часамъ утра всегда надо было быть готовымъ къ отъѣзду, то можно себѣ представить до какой степени иногда служба моя изнуряла меня.

Послѣдніе годы князь очень ослабѣлъ здоровьемъ послѣ своей болѣзни въ 1851 г. и уже княгиня почти постоянно ѣздила съ нимъ въ дормезѣ. Чтеніе газетъ въ дорогѣ перешло къ ней, и князь съ тѣмъ же эгоизмомъ заставлялъ ее безостановочно читать. Нельзя было безъ глубокаго уваженія и состраданія къ княгинѣ, которая къ тому же должна была прибѣгать къ очкамъ, смотрѣть какъ она, при лѣтахъ своихъ, цѣлые часы исполняла съ истиннымъ самопожертвованіемъ эту тяжелую обязанность; но она вся предалась въ послѣдніе годы князю, всѣ ея заботы устремлены были только на его спокойствіе и уходъ за нимъ. Можно сказать, что въ это время ея жизнь сосредоточилась въ князѣ и въ исполненіи къ нему своихъ обязанностей. Это было достаточнымъ искупленіемъ всего прошлаго, ежели оно существовало, какъ о томъ говорили; но я зналъ княгиню всегда преданною своему долгу, съ весьма развитымъ религіознымъ направленіемъ. Со времени пріѣзда на Кавказъ графини Шуазель, направленіе это значительно усилилось и дѣятельность ея вся поглощена была мыслью дѣлать добро и сочувственно относиться ко всѣмъ страданіямъ и несчастіямъ ближняго.

Княгинѣ Воронцовой теперь 84 года; я по возможности навѣщаю ее въ Одессѣ. Не говоря о томъ чувствѣ сердечной моей привязанности къ княгинѣ и той глубокой преданности, которую къ ней питаю, при видѣ ее воскресаютъ въ памяти моей всѣ воспо-

минанія счастливой прошлой службы моей при князѣ Воронцовѣ, и сама княгиня съ чисто материнскимъ чувствомъ всегда встрѣчаетъ и принимаетъ меня до сихъ поръ, какъ одного изъ самыхъ близкихъ къ покойному князю.

Здѣсь въ общихъ чертахъ высказалъ я, какъ я ихъ понимаю, всѣ отмѣтки характера высокой личности князя Воронцова. Приведенные мною отдѣльные примѣры, которыхъ такъ много мнѣ случалось видѣть по службѣ моей, служили основаніемъ сложившагося у меня взгляда; въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣтятся случаи, гдѣ придется говорить о нравственныхъ проявленіяхъ князя въ различныхъ обстоятельствахъ—этимъ дополнится сказанное мною о немъ въ этомъ краткомъ очеркѣ.

Кончаю мою характеристику князя Воронцова съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ началъ: съ безпредѣльною благодарностью и сердечною привязанностью къ его священной для меня памяти и съ глубокимъ сожалѣніемъ о слабостяхъ и недостаткахъ личности, которую желалъ бы сохранить ничѣмъ не помраченной въ памяти сердца моего. Но пишу для себя эти воспоминанія и не могу лицемѣрить предъ самимъ собою, и ошибоченъ, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ чистосердеченъ взглядъ мой на высокую историческую личность князя Воронцова.

К 50
053042/61